

Вязмикина И. А.

*преподаватель кафедры общей экономической теории
и экономической политики*

Одесского национального экономического университета

Viazmikina Iryna

*Assistant Professor of General Economic Theory
and Economic Policy Department
Odessa National Economic University*

СООТНОШЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В ЭВОЛЮЦИИ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Аннотация. В статье феномен финансиализации экономики исследуется с точки зрения эволюции отношений финансового капитала. Рассмотрены теоретические взгляды на категорию финансового капитала различными направлениями экономической теории. Посредством выделения всеобщего и особенного, присущего монополистической стадии развития капитализма сделан вывод о том, что финансовый капитал может определяться как объединение монополии в сфере производства с монополией в сфере аккумуляции и организации движения ссудного капитала. Финансовой аристократии, персонифицирующей финансовый капитал, присуще внутреннее противоречие, поскольку они посредством «системы участия» контролируют огромные капиталы, функционирующие в сфере производства одновременно получают определенные привилегии и возможности в извлечении доходов в сфере обращения денежного и фиктивного капитала, что приводит к тому, что в условиях снижающихся прибылей в реальном секторе финансовый сектор оказывается более привлекательным для инвестирования.

Ключевые слова: финансиализация экономики, финансовый капитал, реальный капитал, фиктивный капитал, монополистический капитализм, всеобщее и особенное.

Постановка проблемы в общем виде и ее взаимосвязь с существующими теоретическими проблемами.

Мировой экономический кризис 2008 г. и довольно слабое последующее восстановление мировой экономики, низкие темпы роста большинства ведущих экономик, глубокие структурные изменения, связанные с беспрецедентным усилением роли финансовой системы и финансовых институтов, экстенсивный и интенсивный рост фиктивного капитала и сопутствующие им перегрев на фондовых рынках, рост государственного долга привлекают пристальное внимание ученых-теоретиков и практиков и являются предметом острых дискуссий в области экономической политики. На сегодняшний день существует консенсус по поводу того, что сфера обращения ссудного капитала (зачастую авансированного в обращение фиктивного капитала) стала приносить больше дохода, чем капитал, инвестированный в материальное производство. Данное явление в исследованиях зарубежных экономистов часто носит название финансиализации. Осмысление этих процессов, выявление на первый взгляд скрытых взаимосвязей невозможно без проникновения в суть системы отношений финансового капитала на современном этапе развития мировой экономики.

Анализ последних публикаций. Исследование любой категории политической экономии предполагает поиск консенсуса по поводу ее места во взаимосвязанной системе категорий. В данном отношении исследование финансового капитала сталкивается с несколькими проблемами, связанными с различиями в его трактовках. Отечественные ученые, анализируя взгляды зарубежных экономистов, часто утверждают, что последние понимают «финансовый капитал» как деньги, денежные ресурсы, для покупки инвестиционных товаров, денежное выражение стоимости ценных бумаг и т. д. [1, с. 216–217]. Данное утверждение не совсем верно, поскольку в английском языке существует 2 понятия: *finance capital* и *financial capital*. *Finance capital* употребляется в значении финансового капитала как особой формы капитала, возникающей на рубеже

XIX и XX вв., Это определение было впервые предложено Р. Гильфердингом в его одноименном фундаментальном труде [2] и впоследствии получило уточнение и развитие в работах советских ученых-экономистов. *Financial capital* с английского языка переводится аналогичным образом, но с точки зрения политической экономии отражается в категориях денежного (ссудного) и фиктивного капитала. Таким образом зарубежные представители мейнстрима трактуют другую категорию (*financial capital*), понимание же финансового капитала в его классическом значении (*finance capital*) не является предметом их научного интереса в силу различий в целях и методе исследования. Понятие финансового капитала как синонима финансовых ресурсов обычно используются исследователями в области финансов, финансов предприятия, финансового менеджмента, бухгалтерского учета и т. д. в трудах Л. Алексеенко, А.М. Билоченко, Ю.Н. Воробьева, В.Г. Белоплицкого, Н.В. Дрозда, В. Корнева, Г.И. Хотинской, Л.И. Черниковой и др.

В более близком к изначальному значению категории смысле финансовый капитал исследуется в работах отечественных и российских ученых: И. Левиной, В.П. Лещука, А.В. Бузгалина, А.А. Залетного, А.И. Колганова, Е.О. Миргородской, затрагивается в работах зарубежных экономистов гетеродоксального направления экономической мысли: Ж. Дюменья и Д. Леви, Д. Котца, К. Лапавитсаса, Дж.Б. Фостера, Т. Норфилда, Д. Харви, Р. Пинто, Б. Хоки, Ф. Шене и др.

Постановка задания. Острая актуальность вышеуказанных проблем, сложности, возникающие на пути исследования финансового капитала, связанные как с неоднозначностью его трактовки, так и с фрагментарностью научных исследований, проявляющиеся в изучении отдельных явлений в функционировании элементов финансового капитала, определяют задание данной статьи: посредством выявления генетической взаимосвязи всеобщего, особенного и единичного в генезисе и эволюции финансового капитала раскрыть сущность категории финансового капитала как особой формы капитала на

современном этапе развития мировой экономики. В статье предпринимается попытка преодолеть некоторую односторонность взглядов на финансовый капитал, показать объективность и закономерность комплекса явлений, получивших название финансовализации, которая в общих чертах представляет собой долговременное устойчивое повышение доли фиктивного капитала по отношению к реальному, вызванного «изъятием» денежной формы капитала из кругооборота промышленного капитала и его закреплением в различных формах фиктивного капитала.

Изложение основного материала. На современном этапе развития экономической науки судьба категории «финансовый капитал» оказывается не совсем ясной. Как было отмечено выше, категория «финансовый капитал», отражающая исследуемый нами предмет, не могла сложиться в неоклассическом направлении экономической мысли в силу различий в предмете и методе исследования. Поскольку категория капитала вообще характеризуется неоклассикой только с натурально-вещественной стороны, а не как общественное отношение, то и система социально-экономических отношений, определяемая как «финансовый капитал», ускользала от ее внимания. Вместе с тем развитие финансовой системы и рост ее значения, создание новых сложных финансовых инструментов привело к появлению объединяющего их термина «financial capital», что равносильно финансовым активам, финансовым ресурсам, и наиболее точно отражается в политической экономии категориями «капитал, приносящий процент» (который может быть представлен в форме ссудного капитала, в том числе принявшего форму фиктивного капитала). Что касается гетеродоксальных направлений западной экономической науки, то даже последователи марксистской традиции, уделяя пристальное внимание явлению финансовализации, часто отрицают наличие отношений финансового капитала как адекватного современной действительности явления. Данный вывод появляется вследствие того, что под отношениями финансового капитала понимается только одна отдельно взятая форма взаимозависимости промышленного капитала и ссудного, одна из его особенных черт – зависимость промышленных предприятий от банков и банковского кредита. Тем самым, не найдя эмпирического подтверждения зависимости крупных корпораций от банковского кредита, ученые приходят к выводу, что финансовый капитал – специфическое явление, справедливое только для начала XX в. К. Лапавицас характеризует наблюдения Гильфердинга, которые он отразил в понятии «финансовый капитал» как первую волну финансовализации [3].

Д. Котц, справедливо отмечая разницу в поведении финансовых магнатов начала XX в. и на современном этапе (которое стало намного более спекулятивным), утверждает, что категория финансового капитала не точно отображает особенностей периода финансовализации экономики, утверждает также, что на современном этапе не происходит сближения банков с промышленными предприятиями (в том числе потому, что крупные корпорации больше полагаются на самофинансирование). Его аргументом, в том числе, является то, что на переломном этапе смены курса экономической политики и поворота в сторону неолиберализма (конец 70-х гг. прошлого века) не было сколько-нибудь сильного противостояния между представителями промышленного капитала и «капиталистов-рантье» [4], что с нашей точки зрения, наоборот, говорит о том, что чаще всего один и тот же класс – финансовой олигархии представляет собой и капиталиста-собственника денежного (или фиктивного) капитала и капиталиста-предпринимателя.

Схожая точка зрения у Т. Норфилда, который отмечает, что нет особого конфликта между условными «промышленными» и «финансовыми» интересами, настаивая на том, что «эти ветви капиталистического бизнеса тесно переплетены, и наилучшим образом это видно по тому, как даже промышленные компании серьезно втянуты в финансовые операции и остаются крайне внимательными к рыночной стоимости своих акций, финансовым рискам и доступам к рыночной ликвидности» [5, с. 192].

Ученые, публикующие свои исследования на страницах «Monthly Review», чаще всего используют категорию «монополистический капитал», тем самым ограничиваясь характеристикой капиталистической системы на уровне общего. Вместе с тем, в последних работах Дж.Б. Фостера и др. [6] используется понятие «монополистический-финансовый капитал», чтобы показать исключительно важную роль финансовой системы в развитии современного монополистического капитализма, в период глобализации и финансовализации экономики, что приводит к некоторому смешиванию общего и особенного уровней исследования.

Проникновение в сущность финансового капитала предполагает нахождение того всеобщего в его генетической взаимосвязи с особенным и единичным, что обеспечивает устойчивость и воспроизводимость всей сложной системы отношений финансового капитала на протяжении более 100 лет. В данной статье понятие всеобщего используется в том смысле, в котором оно исследовано Ильенковым, то есть конкретно-всеобщего, представляющего собой не комплекс отвлеченных признаков, общих для отдельных явлений, а скорее то единичное, которое в своем действительном развитии через особенное приобрело характер всеобщего: «Всеобщее» заключает, воплощает в себе «все богатство частных» не как «идея», а как вполне реальное особенное явление, имеющее тенденцию стать всеобщим и развивающее «из себя» – силой своих внутренних противоречий – другие столь же реальные явления, другие «особенные» формы действительного движения. Поэтому – не всякое, не любое «особенное», а лишь такое, сама «особенность» которого заключается в том, и именно в том, что оно становится «подлинной всеобщностью» [7, с. 339].

Исследование системы отношений финансового капитала как целого посредством выделения всеобщего, особенного и единичного требует определения исходной «клеточки», в которой в свернутом виде были бы заключены все противоречия, подобно тому, как категория «товар» у Маркса является исходной категорией для познания товарного производства вообще и более конкретной его формы – капиталистического товарного производства.

Финансовый капитал как особая форма капитала возникает на рубеже XIX–XX вв., знаменуя трансформацию эпохи совершенной конкуренции в эпоху монополистического капитализма. Диалектика всеобщего, особенного и единичного в эпоху монополистического капитализма подробно исследована в монографии Касенова [8], где автор исходным пунктом в познании монополистического капитализма предлагает считать концентрацию производства вообще. Действительно, «концентрация производства вообще» является тем исходным «зерном», из которого впоследствии развивается общее – капиталистические монополии. Безусловно, монополия становится «всеобщим» только на определенной стадии развития капитализма как наиболее богатая всеобщая категория, отражающая его сущность, воплощающая в себе все относительно самостоятельные специфические признаки этой эпохи. По отношению к категориям «стоимость»,

которая является всеобщей характеристикой товарного производства вообще и «прибавочная стоимость», которая является общим для капиталистического способа производства и эпохи свободной конкуренции, «монополия» выступает как особенное. Концентрация производства и капитала на предельной ступени развития свободной конкуренции сначала проявляет себя в единичном, в отдельных отраслях, как «едва заметные зародыши» нового строя: 60-70-е гг. XIX в. – высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии – лишь едва заметные зародыши. После кризиса 1873 г. картели все больше распространяются на все отрасли, но они еще исключение, они еще переходящее явление. В начале XX в. «картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни» – капитализм свободной конкуренции превращается в монополистический капитализм [9, с. 20]. Таким образом, монополия как сущность опредмечивает себя посредством концентрации производства: «Концентрация на известной ступени ее развития сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии» [9, с. 6].

Монополия, став всеобщим, необратимо изменяет облик капиталистической системы: закон прибавочной стоимости в эпоху свободной конкуренции проявляет себя через закон средней нормы прибыли более или менее равномерно, однако в эпоху господства монополий перелив капитала между отраслями затрудняется, и этот закон проявляет себя скачкообразно, неравномерно в виде закона монополистической прибыли. Таким образом, уже не закон средней прибыли регулирует пропорции распределения ресурсов между отраслями, а закон монополистической прибыли. Именно в этом смысле монополия, сначала как единичное, отдельное в своем историческом развитии через особенное становится общим, универсальным законом, определяющим дальнейшую динамику развития капитализма. Сложность анализа заключается в том, что капиталистическая монополия не уничтожает и не может уничтожить свободной конкуренции, монополия существует наряду со свободной конкуренцией, все больше обостряет противоречия, присущие товарному производству вообще и капиталистическому товарному производству в частности.

Известная задолго до монополистического капитализма как единичное, отдельное явление, акционерная форма капитала к концу XIX в. становится повсеместной, что с одной стороны является результатом развития отношений капиталистического кредита (источником которого, является накопленный вследствие концентрации производства и капитала временно свободный денежный капитал), с другой – акционерная форма сама становится мощным катализатором процессов концентрации и централизации капитала и концентрации производства. Только вместе с тем, как капиталистическая монополия становится господствующей силой, акционерная форма капитала получает широкое распространение и превращается в основную форму организации крупных капиталистических предприятий. С распространением акционерной формы предприятий происходят существенные изменения в отношениях собственности. Важным моментом здесь выступает двойственная природа акции, которая, с одной стороны, представляет собой свидетельство, «титул» собственности на средства производства, с другой – притязание на определенную часть годового дохода в форме дивиденда, который, как показал Гильфердинг, с развитием финансового рынка – фондовой биржи и рынка капиталов, в конечном счете сводится к размеру ссудного процента [2, с. 109]. Однако для фактической реализации права собственности на средства производства необхо-

дима концентрация в одних руках значительной части акций (ранее требовалась половина всех акций, однако со временем гораздо меньшая их часть стала обеспечивать контроль над всем капиталом акционерного общества).

Таким образом, проявляется двойственная природа акции: выступать для мелких акционеров просто как средство для вложения денежного капитала, обеспечивающее доход, в итоге сводимый к ссудному проценту, и одновременно ее обратная сторона: для держателей крупных пакетов акция дает возможность контролировать весь капитал корпорации, зачастую в несколько раз превышающий их собственный, и получать, кроме дивиденда, другие виды дохода (эмиссионная, учредительская прибыль и др., которые в современной экономической литературе объединены под названием «финансовая прибыль»). Во втором случае акция выступает как своеобразный «титул контроля». Реализация сущности акции как «титула контроля» становится возможной именно потому, что для большей части мелких акционеров акция выступает просто как притязание на доход, сводимый, в конечном итоге, к размеру процента. С развитием акционерного капитала качественная разница в реализации права на управление корпорацией простых и мажоритарных акционеров определяется не только количеством акций, которыми они владеют, а закрепляется в разных видах акций, отличающихся правом голоса. Например, владелец корпорации Facebook Марк Цукерберг является обладателем преимущественно акций класса В. В то же время основная масса акций, которые торгуются на бирже Nasdaq, – это акции класса А, каждой из которых принадлежит 1 голос. В итоге М. Цукерберг контролирует 60% голосов, владея только 28% акций компании, то есть обладает полным контролем над всеми оперативными и стратегическими решениями компании. Благодаря личной силе голоса владельца, Facebook принял решение выпустить акции класса С вообще без права голоса [10].

Посредством развития отношений кредита и акционерного капитала снимается граница роста масштабов производства, который теперь не ограничивается размером индивидуального капитала. Преимущества акционерных обществ над индивидуальными капиталами и их закономерная победа довольно подробно раскрыты Гильфердингом [2, с. 147].

Все последующие особенности монополистической стадии капитализма вырастают из исходного «зерна» – *концентрации производства вообще*. Концентрация производства вообще в объективной действительности представлена конкретными формами монополистических объединений в промышленности, что порождает необходимость распространения тенденции к монополизации и в банковском деле. На основании концентрации производства образуются вслед за промышленными банковские монополии. Всеобщее, полностью овладевает одной экономической особенностью монополистического капитализма – образование и господство монополий в производстве, «захватывает» новую особенную форму развития отношений монополистического капитализма. Перерастание банков из посредников во всемогущих монополистов, которые централизуют капиталы и денежные доходы значительной части общества, – это результат концентрации банковского дела.

Акционерная форма собственности распространяется и на банки. Банкам, акционерная форма собственности на капитал, кроме всего прочего, предоставляет возможность значительно снизить долю собственного капитала. На сегодняшний день, например, превышение активов банков над собственным капиталом в 20 раз является обычным явлением [5, с. 319].

В ходе своего развития выделенные особенности монополистического капитализма – концентрация и образование монополий в промышленности и концентрация и образование монополий в банковском деле, заключающие в себе отдельные, самостоятельные стороны всеобщего – преследуют интерес получить монополистическую прибыль и для этого сливаются в капитале нового качества – *финансовом капитале*. Благодаря раскрытой двойственной природе акции, слияние капиталов банковских и промышленных монополий значительно облегчается и приобретает относительно устойчивую форму – в виде финансовых или финансово-промышленных групп (ФПГ). Распыление и дробление акций отдельных крупных корпораций создает основу для эффективной концентрации контроля финансовой олигархии над большими массами общественного капитала как в сфере производства, так и в сфере обращения. Без развитых отношений кредита и фиктивного капитала механизм власти финансовой олигархии не мог бы осуществляться. И правда, ведь под «сращиванием» капиталов подразумевается концентрация контрольных пакетов акций как крупных промышленных монополий, так и крупных банков в руках финансовых магнатов. Еще в 80-х гг. прошлого столетия исследователи отмечают тот факт, что все большая часть фиктивного капитала корпораций, оперирующих в реальном секторе экономики, сосредотачиваются в финансовых институтах посредством скупки акций на фондовом рынке.

Господство общего – монополии – не уничтожает функциональных различий между банковским делом и промышленным производством, вместе с тем, образование капитала нового качества не устраняет конкуренции как внутри финансовых групп – между банковскими и промышленными монополиями, между финансовыми группами и между монополизированными и немонаполизированными предприятиями за созданную производителем силами всего общества в процессе материального производства прибавочную стоимость. И одновременно, только достаточно устойчивый контроль как за монополией в производстве, так и за монополией на движение ссудного капитала обеспечивает возможность финансовой олигархии извлекать монополистическую прибыль на более или менее устойчивой основе. Таким образом, именного логика развития всеобщего – монополии – и основная ее движущая сила – извлечение монополистически высокой прибыли заставляет изначально конкурирующие за свою часть средней прибыли, различные по функциям капиталы объединиться в капитале нового качества – финансовом капитале.

Господство капитала вообще на этапе домонополистического капитализма проявлялось в форме господства промышленного капитала. Как известно, в ходе своего развития промышленный капитал подчиняет ростовщический и купеческий капиталы, преобразовав их в ссудный и торговый капитал. Денежный капиталист, который получает доход от капитала как собственности, на этом этапе может рассчитывать только на часть средней прибыли промышленного капиталиста в форме ссудного процента, поскольку он не участвует в управлении предприятием, не оказывает существенного влияния на решения функционирующего капиталиста по поводу организации производства и реализации произведенных товаров. Промышленный капиталист, таким образом получает ту часть прибыли, которая осталась после уплаты процента – предпринимательский доход. Предпринимательский доход представляется как оплата за работу капиталиста, результатом деятельности капитала как функции. С превращением капитализма свободной конкуренции в монопо-

листический капитализм, господство капитала вообще реализуется в форме господства финансовой олигархии. *Господство финансовой олигархии приводит к изменениям функции капиталиста*. Подобные изменения отмечал Р. Гильфердинг: «Промышленное акционерное общество, которое мы рассмотрим, сначала означает в первую очередь изменение функции промышленного капиталиста. В самом деле, оно приносит с собой в качестве своего принципа то, что для индивидуального предприятия является только случайностью: освобождение промышленного капиталиста от функции промышленного предпринимателя. Капитал, вложенный в акционерное общество, благодаря этому изменению функции приобретает для капиталиста характер чисто денежного капитала». [2, с. 147–148]. Данный вывод о трансформации фигуры капиталиста с появлением финансовой олигархии, когда представлялось, что «функционирующим капиталистом» становится наемный менеджер, а финансовый аристократ превращается в рантье и «освобождается от функции предпринимателя» не подтверждается хозяйственной практикой. Поскольку управление предприятием, даже осуществляемое наемными менеджерами, все равно, в конечном итоге, подчиняется частным интересам мажоритарного акционера, то следует заключить, что и капитал-собственность, и капитал-функция сосредоточены в руках финансового олигарха. Д. Харви, например, отмечает так называемое «слияние» в один класс акционеров и топ-менеджеров крупных корпораций, труд которых все в большей части оплачивается акционерными опционами, чтоб мотивировать последних к деятельности, направленной на повышение капитализации компании иногда в ущерб функционирующему действительному капиталу [11, с. 38]. Представители финансовой олигархии, с одной стороны, являются «денежными капиталистами», для которых покупка акций корпорации представляет собой вложение денежного капитала, с целью извлечения учредительской и эмиссионной прибыли (и других форм дохода, так называемые *capital gains*) напрямую не зависящих от результата функционирования действительного капитала. С другой стороны, финансовый олигарх остается «капиталистом-предпринимателем», функционирующим капиталистом, точно так, же как капиталист эпохи свободной конкуренции, стремится к получению максимальной прибыли путем сокращения издержек производства, повышения производительности труда и т. д. Однако, безусловно, разница заключается в том, что при помощи «системы участия» финансовые магнаты получают в распоряжение функционирующий действительный капитал гораздо большего размера, чем капитал, который они инвестировали. Поскольку общие законы функционирования капитала вообще сохраняют свою силу и значение и при монополистическом капитализме, переплетаются с законами движения финансового капитала, это порождает новые противоречия. С появлением финансового капитала противоречие между интересами «рантье», который получает доход от капитала как собственности и «предпринимателя» не разрешается, а закрепляется в одном и том же лице – финансовом олигархе. Именно эта двойственность, изначально присущая финансовому капиталисту предоставляет возможность для того, чтоб предпочтительной для инвестирования капитала стала сфера обращения финансовых инструментов даже в ущерб инвестициям в реальный капитал. Возникший финансовый капитал как новая особенность приобретает такое огромное значение и мощь в экономике и политике, что фактически формирует новую эпоху, становится *формой существования монополистического*

капитала. Такая взаимосвязь общего – монополии, и преобладающей особенности – финансового капитала, показывает, что, с одной стороны, финансовый капитал подчиняется логике развития монополистического капитала и в то же самое время становится преобладающей его особенностью, и действительно, дальнейшее развитие монополий в промышленности и финансовой сфере привело к тому, что они переросли национальные границы, что привело к образованию международных монополий – транснациональных корпораций (ТНК) и транснациональных банков (ТНБ), которые становятся основными организационными формами существования современного финансового капитала.

Исходя из этого, наиболее общее определение финансового капитала, которое учитывало бы все организационные формы, которые он принимает, можно найти у А.В. Аникина: *экономическая категория, содержание которой – в объединении монополии в сфере производства с монополией в сфере аккумуляции и организации движения ссудного капитала* [12, с. 130].

В эпоху монополистического капитализма развитие промышленного капитала подчиняется частным интересам финансовой олигархии, именно в этом выражается господство финансового капитала над всеми другими формами капитала, а не господство банков над промышленными предприятиями, как иногда упрощенно трактуются отношения финансового капитала. Данное определение финансового капитала предполагает не только монополистические объединения в сфере банковского дела, а и различные небанковские сберегательные учреждения, взаимные, благотворительные, пенсионные и страховые фонды, хедж-фонды и любые другие источники аккумуляции денежного капитала, которые чаще всего юридически представляются самостоятельными субъектами, но фактически входят в состав крупнейших международных банковских монополий. В современном мире монополистическое положение любой корпорации на мировом рынке подкрепляется особыми условиями ее доступа на финансовые рынки. К примеру, компания Apple – крупнейшая компания в мире по рыночной капитализации (794 млрд. долл. США на октябрь 2017, на данный момент капитализация превысила 1 трлн долл. США) владеет компанией Vreaburn – самым крупным в мире инвестиционным фондом осуществляющим вложение в казначейские облигации США. Чистые денежные средства Apple, доступные для использования после вычета текущих обязательств, составляют 163 млн. долл. США (на апрель 2018) [13]. Крупные корпорации зачастую используют эти средства для так называемых buyback-операций – выкупу собственных акций с целью повышения их курса, а следовательно, и капитализации компании.

Предварительное выделение понятия финансового капитала на самом общем и абстрактном уровне позволяет увидеть его наиболее существенные черты, уста-

новить связи, присущие его элементам. Таким образом, дальнейший анализ процесса усиления роли и значения финансовой системы, так называемая финансиализация, возможен только при одновременном учете процессов концентрации и централизации промышленного и торгового капитала под «началом» финансовой аристократии в масштабах всей мировой экономики.

Поскольку монополистический капитал существует в форме финансового капитала, а последнему необходимы развитые элементы финансовой системы для его мобилизации, аккумуляции и обращения, то монополизация и «финансиализация» капитализма – две стороны одного процесса превращения капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм. А значит, усиление роли и значения финансовой системы, присущее последним десятилетиям – не случайность и не простое следствие «недалековидной» нелиберальной экономической политики – а устойчивая и неизбежная закономерность развития монополистического капитализма, которая проявится в случае возникновения проблем с получением желаемой нормы прибыли в сфере функционирования реального капитала.

Выводы. Выявление и анализ внутренней связи общего и общего в финансовом капитале позволяет обнаружить скрытые на первый взгляд взаимосвязи, представленные отдельными явлениями и тенденциями, которые иногда ошибочно трактуются как «снижение зависимости нефинансовых корпораций от банков». Каждый отдельно взятый элемент развития современной финансовой системы – единичное – бурное развитие хедж-фондов и других организационных форм аккумуляции ссудного капитала – находится в определенной связи с особенным – банковскими монополиями, ТНБ, которые, в свою очередь, находятся в центре сетей господства финансовой олигархии. Выделенная структура взаимосвязи общего и особенного в системе отношений и связей финансового капитала позволяет избежать ошибок в оценке причин финансиализации, которую часто связывают исключительно с «ошибочной нелиберальной политикой», которая привела к чрезмерному росту объема и значения финансовой системы, игнорируя факт стагнации реального сектора экономики. Внутреннее противоречие интересов класса финансовой аристократии, которые, контролируя огромные капиталы, функционирующие в сфере производства вместе с тем получают определенные привилегии и возможности в извлечении доходов в сфере обращения денежного и фиктивного капитала приводит к тому, что в условиях снижающихся прибылей в реальном секторе финансовый сектор оказывается более привлекательным для инвестирования. Таким образом, устранение проблем, связанных с ростом «финансовых пузырей» регулируя юридически только финансовую сферу экономики, невозможно без одновременного восстановления привлекательности для инвестирования в реальный сектор экономики.

Список использованных источников:

1. Дослідження змісту і форм розвитку економічних відносин в національній економіці України : монографія / за заг. ред. М.І. Зверякова. Одеса : Атлант, 2018. 297 с.
2. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы развития капитализма. Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1959. 492 с.
3. Lapavistas C. Profiting without producing. How Finance exploits us all. London, 2013. 370 p.
4. Kotz D. Neoliberalism and financialization. 2008. URL: https://people.umass.edu/dmkotz/Neolib_and_Fin_08_03.pdf (дата обращения: 26.06.2019).
5. Norfield T. The City. London and Global Power of Finance. London : Verso, 2016. 487 с.
6. Foster J.B., McChesney R.W. The Endless Crisis: How Monopoly-Finance Capital Produces Stagnation and Upheaval from the USA to China. New York : Monthly Review Press. 241 p.
7. Ильенков Э.В. Философия и культура. Москва : Политиздат, 1991. 464 с.

8. Касенов Б. Диалектика всеобщего, особенного и единичного в экономических трудах К. Маркса и В.И. Ленина. Алма-Ата : НАУКА, 1971. 264 с.
9. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк). Москва : Издательство политической литературы, 1989. 125 с.
10. Norfield T. Facebook's advertising machine. блог *Economics of Imperialism*: веб-сайт. URL: <https://economicsofimperialism.blogspot.com/2017/09/facebooks-advertising-machine.html> (дата обращения: 26.06.2019).
11. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford : University Press, 2005.
12. Аникин А.В. Кредитная система современного капитализма. Москва : НАУКА, 1964. 434 с.
13. Sonenshine J. Here's what Apple could do with its huge cash pile (AAPL). *Business Insider*. – 2018. URL: <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/apple-stock-price-what-to-do-with-huge-cash-pile-2018-4-1022917605> (дата обращения: 26.06.2019).

References:

1. Doslidzhennia zmistu i form rozvytku ekonomichnykh vidnosyn v natsionalnii ekonomitsi Ukrainy : monohrafiia [Research on the content and forms of development of economic relations in the national economy of Ukraine : monograph] / za zah. red. M.I. Zvieriakova. Odessa : Atlant, 2018. (in Ukrainian)
2. Gilferding R. (1959). Finansovyy kapital. Issledovanie noveyshey fazyi razvitiya kapitalizma [Financial capital. Study of the newest phase of capitalism development]. Moskva : Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literaturyi. (in Russian)
3. Lapavitsas C. Profiting without producing. How Finance exploits us all. London, 2013. 370 p.
4. Kotz D. Neoliberalism and financialization. 2008. URL: https://people.umass.edu/dmktotz/Neolib_and_Fin_08_03.pdf (accessed: 26.06.2019).
5. Norfield T. The City. London and Global Power of Finance. London : Verso, 2016. 487 p.
6. Foster J.B., McChesney R.W. The Endless Crisis: How Monopoly-Finance Capital Produces Stagnation and Upheaval from the USA to China. New York : Monthly Review Press, 241 p.
7. Plenkov E.V. (1991). Filosofiya i kultura [Philosophy and culture]. Moskva : Politizdat. (in Russian)
8. Kasenov B. (1971). Dialektika vseobshchego, osobennogo i edinichnogo v ekonomicheskikh trudakh K. Marksa i V. I. Lenina [Dialectics of the universal, particular and individual in the economic writings of K. Marx and V.I. Lenin]. Alma-Ata : NAUKA. (in Russian)
9. Lenin V.I. (1989). Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma (Populyarnyy ocherk) [Imperialism, as the highest stage of capitalism (Popular essay)]. Moskva : Izdatelstvo politicheskoy literaturyi. (in Russian)
10. Norfield T. Facebook's advertising machine. блог *Economics of Imperialism*: веб-сайт. URL: <https://economicsofimperialism.blogspot.com/2017/09/facebooks-advertising-machine.html> (accessed: 26.06.2019).
11. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford : University Press, 2005.
12. Anikin A.V. (1964). Kreditnaya sistema sovremennogo kapitalizma [The credit system of modern capitalism]. Moskva : NAUKA. (in Russian)
13. Sonenshine J. Here's what Apple could do with its huge cash pile (AAPL). *Business Insider*. 2018. URL: <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/apple-stock-price-what-to-do-with-huge-cash-pile-2018-4-1022917605> (accessed: 26.06.2019).

СПІВВІДНОШЕННЯ ВСЕЗАГАЛЬНОГО ТА ОСОБЛИВОГО В ЕВОЛЮЦІЇ ФІНАНСОВОГО КАПІТАЛУ

Анотація. У статті феномен фінансового капіталу досліджується з погляду еволюції відношень фінансового капіталу. Розглянуті теоретичні погляди на категорію фінансового капіталу різними напрямками економічної теорії. Виділивши всезагальне та особливе, притаманне монополістичній стадії розвитку капіталізму, зроблено висновок, що фінансовий капітал може визначатись як об'єднання монополії у сфері виробництва та монополії в сфері акумуляції та організації руху позичкового капіталу. Фінансовій аристократії, яка персоніфікує фінансовий капітал, притаманне внутрішнє протиріччя, оскільки вона за допомогою «системи участі» контролює величезні капітали, що функціонують у сфері виробництва, і водночас отримує певні привілеї і можливості в отриманні доходів у сфері обігу грошового і фіктивного капіталу, що призводить до того, що в умовах зниження прибутків в реальному секторі фінансовий сектор виявляється більш привабливим для інвестування.

Ключові слова: фінансиалізація економіки, фінансовий капітал, реальний капітал, фіктивний капітал, монополістичний капіталізм, всезагальне та особливе.

RELATION OF THE UNIVERSAL AND THE SPECIFIC IN FINANCE CAPITAL EVOLUTION

Summary. Financialization appeared to be the one of the most wide-used terms in academic circles after the World Financial Crisis of 2008. This term, being quite ambiguous, in general can be reduced to the unprecedented rise of finance in scale and scope, shift of corporations from production sphere to financial markets. For the moment exists consensus, that investments in the circulation of interest-bearing forms of capital, often invested in financial instrument – fictitious capital – gives higher rate of return than investments to productive sectors of economy. The article examines the phenomenon of financialization of economy departing from the evolution of finance capital relations. Theoretical views on the finance capital notion given by different scholars are explored, difference between finance and financial capital concepts is explained. Finance capital evolution is explored using dialectical method, defining its universal characteristics in their interrelation to the specific ones which provides stability and reproduction of complex system of finance capital relations during last century. The universal and the specific features of the monopolistic stage of capitalist development are carved out, which gives possibility to determine finance capital as a fusion of monopoly in production and monopoly and control over accumulation and circulation of interest-bearing capital in hands of financial oligarchy. An internal contradiction of interests is inherent in financial aristocracy, who personifies financial capital, as far as the “participation system” allows them to control the enormous capitals which functions in the production sphere and at the same time they manage to receive certain privileges and opportunities in generating revenues in the sphere of circulation of money and fictitious capital. In the face of declining profits in leads to the real sector, the financial sector proves to be more attractive for investments.

Key words: financialization of economy, finance capital, real capital, fictitious capital, monopolistic capitalism, shareholders value, the universal and the specific.